

Дмитрий Иванович Яворницкий

**Запорожье в остатках старины и
преданиях народа**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Я22

Я22 **Яворницкий Д.**
Запорожье в остатках старины и преданиях народа / Дмитрий Иванович Яворницкий – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 356 с.

ISBN 978-5-521-39516-3

ISBN 978-5-521-39516-3

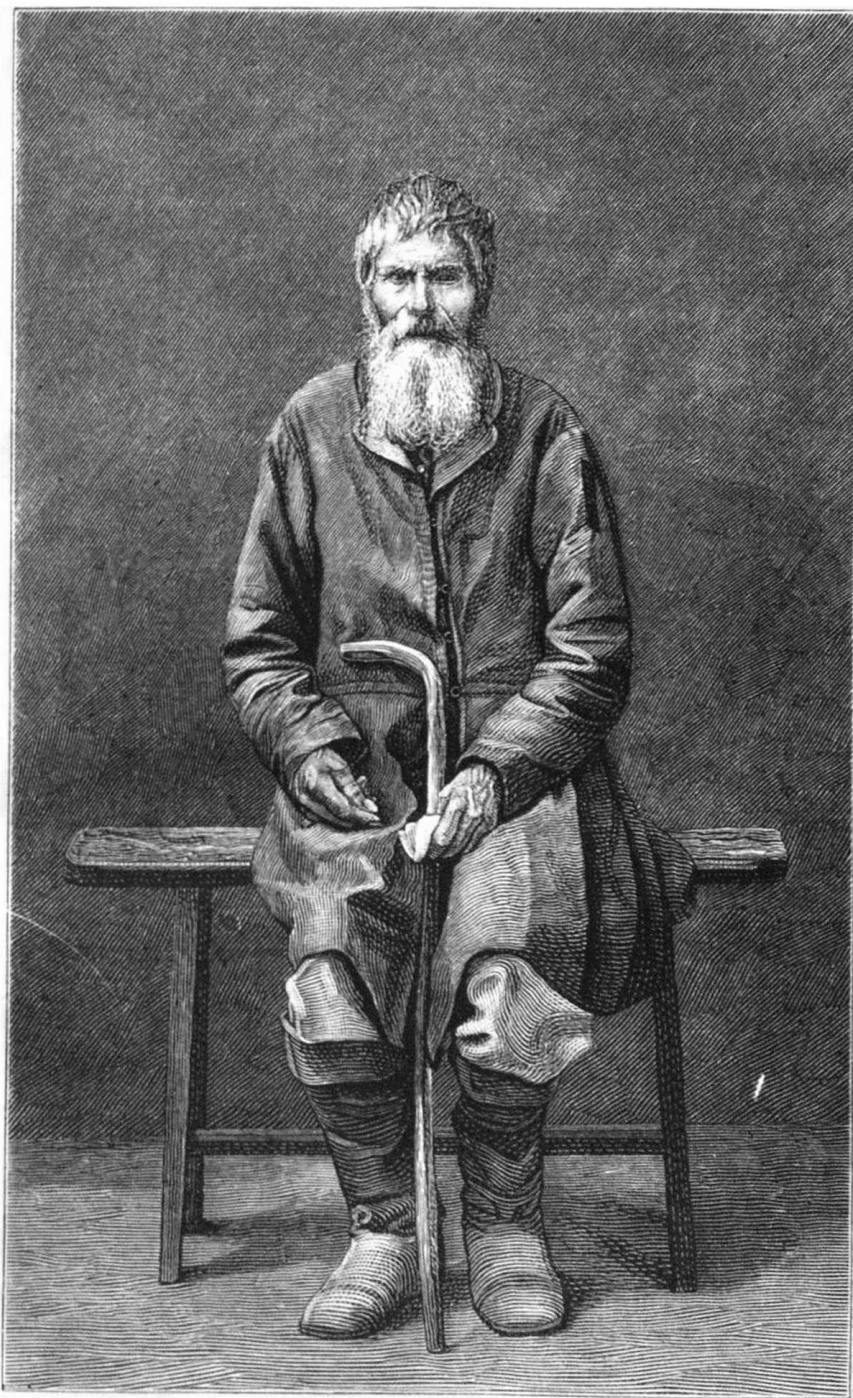
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Ч. II. Рис. I.

Портретъ сѣмнадцатилѣтняго старика
И. И. Россолоды.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Заворожи мени, волхве,
Друже сывоусый!
Ты вже серце запечатавъ,
А я—ще боюся...
Боюся ще погорилу
Хату руйнувати.
Боюся ще, мій голубе,
Серце поховати...
Бандурысте, орле сызый!
Добре тобі, брате!
Маєшъ грѣхы, маєшъ силу
Е — колы литаты.

Т. Шевченко.

Въ селѣ Чернышовкѣ живетъ глубокій старикъ. Иванъ Игнатовичъ Россолода, единственный представитель павшаго Запорожья, сынъ запорожскаго козака Недоступа. По собственнымъ расчетамъ Ивана Игнатовича, ему около 116 лѣтъ, но онъ еще двигается и по хатѣ и во дворѣ, смотритъ за маленькими дѣтьми, «догандає» телятъ. Иванъ Игнатовичъ прекрасно сохранилъ воспоминаніе о жизни запорожскихъ козаковъ вообще и о жизни своего отца въ частности. «Мій батько жили отутъ саме, де й я живу, а женились тоді, якъ уже розорили Сичу; якъ женились, то имъ було шестьдесятъ годъ; прыжили вони симъ синивъ, — дочки ни одной не було; я бувъ цидтаршиномъ сыномъ у батька, и теперь уси мои браты поумирали, только я одинъ я зостався».

Запорожье, ч. II.

«Батько дуже довго жив, а якъ умирали, то прохали поховати ихъ на старому кладовищі ¹⁾), щобъ тутъ люде не топталысь по ихъ кисткамъ: вони знали, що тутъ буде велике селище. Господь прививъ и мині багато на цему свити бачити. И де и не выходывъ оцимы ногами? Ходывъ и въ Харьковъ, ходывъ и въ Богодуховъ, и въ Ахтырку, и въ Красный-Кутъ, а въ Києви бувъ ажъ трычи, та все пишкомъ».

— А не страшно вамъ, дидусю, умирати?

— Ни, панечку, нестрашно, ничого не страшно. Я уже давно благаю Бога: Господи, дай смерть, та тилько съ поканіємъ; на цимъ свити жити, тилько гриха набираться».

По разсказамъ Ивана Игнатовича, онъ родился въ Никополѣ, но дѣтство и юность провѣлъ вмѣстѣ съ отцомъ на мѣстѣ бывшаго запорожскаго зимовника, гдѣ и теперь сидитъ хатою. Женился онъ въ полтавской губерніи, и это сложилось такимъ образомъ. Отправился онъ по какой-то надобности въ полтавскую губернію и тамъ въ одномъ хуторѣ увидалъ «панночку», «закохався» въ нее да и женился. «Дворянка була, капитаньска дочка, и землю мала (имѣла) собі; тилько на одну ногу кривенька була, а людина добреньна, розумна. Велике мени спасення видъ тыеи женытбы було: тоди скрызъ сарана тутъ литала; повывидала хлибъ, лися на деревахъ, траву. Наставъ голодъ великій, ни въ кого хлиба нема. Такъ я було поѣду до родычывъ своен жинки, наберу у ихъ гречки, хлиба, приѣду до дому тай живу». Вообще о первой своей женѣ Иванъ Игнатовичъ отзывается съ глубокимъ уваженіемъ и любовью. Но, къ великому огорченію его, любимая имъ жена очень рано умерла (спустя шесть лѣтъ посѣвъ брака), оставивъ ему дочь Ирину. «Теперь мой Орини годъ висимдесять буде, якъ шо жива,—вона десь помандрувала у Черноморію. Чувъ, шо у неї и диты булы, и шо у тихъ дитей диты;—то вже правнуки, та и одъ правнуковъ есть покоління,—це вже прапра-

¹⁾ Теперь оно называется старымъ.

внуки». Овдовѣвъ послѣ перваго брака, Иванъ Игнатовичъ, спустя четыре года, женился вторично уже на простой крестьянкѣ, отъ которой имѣлъ двухъ дочерей и четырехъ сыновей: Якова, Самойла, Петра, Ивана, изъ коихъ старшему 53 года, а младшему 30 лѣтъ. Онъ прекрасно помнитъ еще царицу Екатерину.

«Якъ я родивсь, то тоди була ще цариця: я довольно знаю, якъ вона бигла сюди,—тоди тутъ усе мыли (каменные столбы) ставили».

Иванъ Игнатовичъ ведетъ жизнь по истинѣ отшельническую: уже больше пятнадцати лѣтъ не пьетъ водки и не ѣстъ скоромной пищи. «Тильки мени й скорому (т. е. скороми), шо пампушки зъ медомъ, олія та молоко, а инколи хлѣбця мякенького покажешь—отъ тоби и все». Съ виду Россолода довольно высокаго роста, худощавъ, держится немного сутуловато, носить уакую, средней величины, бороду, на головѣ длинныя, густыя волосы, едва только посеребренные сѣдиной. (См. табл. I). На мое удивленіе, какъ это Россолода, проживъ столько лѣтъ, почти не посѣдѣлъ, онъ отвѣтилъ: «У мене поридни така, та ще й то сказать вамъ, паничу: то пустый волосъ, шо сидый». Старикъ чрезвычайно богомоленъ: каждый воскресный и праздничный день онъ пѣшкомъ ходитъ въ церковь, что составляетъ въ оба конца около десяти верстъ; лѣтомъ живетъ отдѣльно отъ семьи въ «кельѣ», построенной въ саду надъ рѣкой, на мѣстѣ отцовскаго зимовника. Своимъ аскетическимъ образомъ жизни и глубокою религіозностью онъ внушаетъ къ себѣ необыкновенное уваженіе всѣмъ своимъ односельчанамъ. Онъ говоритъ мало, потому что страшно устаетъ, но за то весьма охотно и до крайности симпатично; по временамъ изъ его старческихъ глазъ каплютъ горячія слезы... И слова столѣтняго старца звучать, какъ гласъ какого-нибудь ясновидца, какъ слова ветхаго деньми патріарха.

Перенося съ покорностью многія тягости настоящей жизни, старикъ Россолода жалуется лишь на безсонницу да слабость силъ. Безсонница сильно одолеваетъ его.

«Оце ляжешь спати, такъ не заснешь ни за що, а такъ лежишь, тай годи; и не знаешь, чи воно день, чи воно ничь, тилько шо заплющишь очи». Не мало страданій причиняетъ старику я то обстоятельство, что ему почти невозможно лежать: «кистки болять, тилько й лежишь, шо на спинй, а на бокахъ такъ совсимвь невозможно: оце на ладыхкахъ таки струпи поналежавъ, шо й доторкнутыця невозможно. А ще гиришь менй уставати: Боже якъ важко! Тай очи плохи стали. у вечери бачу, такъ якъ скризъ сито».

Было воскресенье, когда я явился къ Ивану Игнатовичу Россолодъ. Погода стояла на дворъ чудесная. Прошедъ изъ двора въ садъ, я увидѣлъ здѣсь небольшую хатку, въ видѣ куреня, и приблизился къ ней; оказалось, что это лѣтнее пребываніе Россолоды, извѣстное на его языкѣ подъ именемъ «келий». Поздоровавшись и перекинувшись двумя-тремя словами о погодѣ, я тотъ же часъ приступилъ къ разспросамъ о житѣ-бытѣ запорожцевъ. Россолода, будучи предупрежденъ о приходѣ къ нему «запорожскаго пана» — такъ звали меня въ селѣ, охотно отвѣчалъ мнѣ на всѣ мои вопросы. Весь разсказъ его записанъ мной буквально, въ нѣсколько приѣмовъ.

— Гай, гай, дидусю, яки жъ вы похили!

— А якъ же жъ мени, паничу, не бути похилому, якъ мене Господь держить на цимъ свити уже бильшь ста годъ!

— Це жъ, мабуть, Господь и держить васъ за-ды того, щобъ знати мени одъ васъ те, шо треба.

— А шо жъ вамъ треба?

— Та треба мени роснитати васъ де шо про запорожцивъ; шо воно за народъ такий бувъ, якъ вони жили и де вони подились, щобъ по ихъ жити и споминати ихъ.

— Се бѣ-то, бачъ, правды у ихъ допытатыця?

— Такъ, такъ, любый дидуню, правды допытатыця у ихъ. А чи не чули про нихъ чого-небудь?

— Якъ не чувъ, якъ мій батько та були ¹⁾ изъ тихъ самыхъ запорожцвъ.

— Онъ якъ!

— Такъ пменно! Спершъ воны були у помішникахъ. коли, чули, при отаману Перебийнису.

— Якъ не чути? Чувъ.

— Да, такъ ото воны були у помішникахъ у пана отамана, бачили ту Сичу, може тамъ скільки разъ, ходили и на війну зъ козаками, а потімъ вышли изъ Сичи тай силы отуть саме, де й я сижу; тутъ воны и бурдюжокъ собі поставили, тутъ и одружились, а одружились уже старенькими.— такъ, мабуть, годъ шестьдесятъ имъ було. Найлюбіишимъ сыномъ бувъ у ихъ я. Оце було якъ загуляють, якъ запыють, то заразъ и кричать: — «Эхъ, Ясько, будешъ у мене запорожець!». Воны й водили мене по-запорожськи: обриють голову, то такъ и ходишъ, якъ та салотвка.

— Чимъ же воны брили?

— Бритвою! Гостра така була, що наче воны гладить, а не бриють.

— Такъ вы, диду, изъ настоящихъ запорожцвъ?

Изъ настоящихъ запорожцвъ, та ще й самъ трохи запорожець, бо якъ крестили мене, то батько ще й пороку видсынали у куниль, щобъ загартувати, бачите, изъ самого малку.—уже така поведенція була у тихъ козаквъ.

— Ну, скажите же, любый дидуню, звидкиля ти запорожци набирались?

— Звидкиля набирались? Видо-всюды. Той звидтиля приїде, той звидтиля приїде, зъ десятка до двадцятка, а зъ двадцятка до тридцятка—та такъ цяла сила и набиралась. У Сичъ приїмали усякого, тилько мення переставляли: де хто съ-пидъ пана утече, приїмуть; де хто одъ батька та одъ матери бижить, приїмуть;

¹⁾ Малороссы объ отцѣ, даже и заглазно, говорятъ во множественномъ числѣ.

де якій жинку покине, приймуть; такъ абы, до Сичи докотывъ, то й живе тамъ, не выгонють. Заразъ ему чупрыну заведуть и готовъ, заразъ и зодягнуть. Оце прийде бувало до запорожцивъ чоловикъ босый, голый, а воны его уберуть якъ пана. Та воно й дыва нема: у ихъ суконъ тихъ, одежи, такъ якихъ хочешъ сортивъ и скільки завгодно можно було достати. Отакъ воны и набирались. А инколи такъ и дитей хапали по городахъ: приманють гостинчикомъ тай похопають. А вже на Сичи воля вольна: не захочешъ жити, иди соби хочъ заразъ. Прийшовъ якосъ на Сичу городывыкъ, а у запорожцивъ саме пиеть бувъ. треба до церкви ходити. Ставъ и винъ ходити; увесь пиеть ходе тай ходе. «А шо, батьку, уже мени обрыдло ходити!» — «А якъ обрыдло, то бери грошій тай йди». Дали ему три пуды миднякывъ, винъ и подався.

— А кому жъ воны данъ платыли?

— Ажъ никому! Воны сами собою жили, — такъ, козаки, лицари тай годи.

— И багато жъ ихъ, скажить, було?

— Точно доказати вамъ не докажу, — Богъ ихъ знае, а такъ якъ подумаю соби, то, наче тысячь двадцять и було, або й бильшъ. Ёго сыла тяженна була, — того запорожци! Кажуть, будьто ихъ було сорокъ-сорокывъ, та це вже тоди, якъ воны выходили видциля. Треба було народу великого, якъ привыля велике було.

— А привыля таки справди велике було?

— Привыля такъ уже такъ, шо привыля! Теперъ такого ни близько, ни далеко нема. Та шо теперъ? Теперъ такъ, шо воленъ та недоволенъ, а тоди такъ, шо и воленъ и доволенъ. Недаромъ же кажуть, якъ жылы мы за цырыци, или палиныци, а якъ стали за царя, такъ не стало й сухаря. Теперъ якъ сказати, шо воно тоди було, такъ и не повірять. Тоди цвиты усяки цвилы, тоди травы велики росли. Ось тутъ, де теперъ у насъ церква, такъ така була тирса, якъ оцей ципокъ, шо у мене въ руци, якъ глянешъ, такъ наче жито стоить; а ко-

мышь, якъ той лисъ,—издалека такъ и биліе, такъ и вылысуетця. А шо вже пырїй, ковыла, мурава, орошокъ, курай, бурунчуки, то якъ увїйдышь у нихъ, такъ только небо та землю и выдко, — диты було гублятця въ травѣ. Оце пидниметця у гору, вырасте, та вшыть и вваде на земаю, та такъ и лежить якъ та хвыля на мори, а поверхъ нен уже й друга росте. Якъ запазышь було їн, такъ вона неділи три, або й чотыри горыть. Пидешъ косыть, косою не одвернышь, пожонешъ пасты коней, то и не побачишь ихъ, загонышь воливъ, тильки роги мріють. Чи выпаде снїгъ, чи настане зима, байдужысинько: хочъ якій буде снїгъ, а травы не закрыве. Пустишь соби чи коня, чи товарику, чи овецъ, такъ вони такъ пустопашъ и пасутця, тилько коло отары и ходылы чабаньци; а якъ загонышь ихъ у траву, такъ вони помижъ нею наче комашня мріють,—тільки у вечери и вздрышь; тоди вже боло ихъ роботы,—выбирати тирсу, шо помалазе у вовну!.. А шо вже помижъ тією травою та разныхъ ягидъ, то й казати ничого. Оце якъ выйдешъ було у стїяъ та якъ розгорнишь траву, то полуныцю такъ и бери руками. Оцієн потани, шо теперь поразвелася, ховрашкивъ та гусеныци, тоди и не чути було. Отъ яки тоди травы були!

А бжолы тієи? А меду? Медъ и по пасникахъ, медъ и по зимовникахъ, медъ и по бурдюгахъ такъ и стоить було улиповникахъ: сколько хочешъ, стільки и бери; билишь усѣго видъ дыкихъ пчялъ. Дика пчола скрызъ було сидить: и на комышахъ, и на вербахъ; де буркунъ, у буркуни, де трава, у травѣ. За нею и проходу не було: то було вырубають дупла, де вона сидить. А ліса того? Бузынина, свыдина, вербіна, дубья, грушья! Грушъ було якъ напада зъ гилля, такъ хочъ бери грабля та горны валки: такъ и лежать на соньци, пока не попечутця. Садки таки були, наче сукномъ покрыти.—такъ патока зъ нихъ и тече. А товщина ліса яка була? Вербы такъ їжи-Богу десять аршинъ у обхватъ... Земля свижійша була, ниhto їи такъ не вымогавъ, якъ теперь, снїги лежали велики, и воду пускали

велику, то и дерево росло добре. А звіру, а птыци? Вовки, лисыци, барсуки, дики козы, чокалки ¹⁾, выдныхи—такъ одинъ за однимъ и бжкати, такъ и пластають по степу. Вовкивъ така сыла була, шо ихъ кійками бжили, а зъ ихъ кожъ чоботы носили та кожанки робыли. А изжакъ того, изжакъ?.. И казати ничого! Були ще й дыки свыни ²⁾, таки гладки та здорови; вони бильшъ усепо по плавняхъ шныряли. Оде якъ побачишъ у плавни яку свыню, то скорійшъ видайсь на дерево, а то хрю! хрю! чмакъ! чмакъ! та до тебе, такъ рыломъ и пре; выставе морду впередъ тай слуха, чи не йде хто; якъ забаче чоловіка, заразы до него, товкыць рыломъ! Зъ нигъ звале, тоди й давай рвати. Були й дыки кони; вони цылыми табунами ходили; косяка три-четыри такъ и ходять... А шо уже птыци було, такъ, Боже великій! Качокъ, лебедивъ, дроховъ, хохитвы, дикихъ гусей, дикихъ голубивъ, ледекъ, журавливъ, тытарвакивъ, курипять,—такъ хо-хо-хо!.. Та все яки плодющи! Одна курипка выведе було штукъ двадцять пьить курипять за мисяць, а журавли якъ понаплодять дитей, то ходють та тилько крякають. Стрелетивъ сильцими ловили, дроховъ волокомъ тягли, тытарваковъ, якъ настане ожеледця, дрюками бжили. И шо то за сила тиен птыци була? Якъ пидниметця зъ земли, сонце застезе, а якъ сиде на дереву, то й тилли не выдко: самый комьяхъ высе; а якъ спуститця на землю, то вона, наче доливка, такъ и зачорніе. А лебеди якъ заведутця битыи промижъ себе, то пиднимуть такой крикъ, шо батько було выскочуть изъ бурдюга та давай на ихъ стрелять, щобъ порозгонить, а вони пиднимутця въ гору та тилько порось-порось-порось!.. Нема теперь и тыи силы рыбы, шо тоди була. Оця рыба, шо тенерь, такъ и за рыбу не считалась. Тоди все чичуга, пистрюга, коропы та осетры за все одвичали. У одну тоню ии вытягали стилько, шо на весь

¹⁾ «Тойже новкъ, тилько алійній надъ новка».

²⁾ «Звирь—схожий на лисыцю, тилько живе въ водѣ. На немъ така кожа, наче псквы сыплотци, а якъ погладыишь, то впишь такъ и пшиспуетця». Очевидно, рѣчь идетъ о рѣчной выдрѣ.